

Незнание и заблуждение

Голубинская Анастасия Валерьевна¹, Дорожкин Александр Михайлович²

¹кандидат философских наук, научный сотрудник лаборатории социальной антропологии,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.

Россия, г. Нижний Новгород. ORCID: 0000-0002-7119-3968. E-mail: golub@unn.ru

²доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии,
Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, профессор
Института прикладной физики РАН. Россия, г. Нижний Новгород.
ORCID: 0000-0003-2954-1647. E-mail: a.m.dorozhkin@gmail.com

Аннотация. Для классической теории познания незнание и заблуждение являются нетипичными, странными категориями. Тем не менее, без обращения к ним вряд ли возможно получить ответы на некоторые вопросы, возникающие в современном обществе, к примеру, почему в условиях беспрецедентного доступа к научному знанию люди остаются в незнании и неверии, и почему по мере развития научного просвещения экспертные консенсусы всё чаще становятся поводом для общественных дебатов. В свете этого установление содержания незнания и заблуждения как эпистемических состояний становится, с одной стороны, актуальной, а с другой стороны, трудно реализуемой задачей: два основных подхода к её решению, эпистемологический и психологический, оказываются недостаточными и даже внутренне противоречивыми.

В статье рассмотрены причины, по которым существующие подходы к проблеме не задают общую теоретическую рамку для указанных состояний и ведут к некорректным или даже аномальным выводам, к примеру, относительно состояний отложенного суждения или конвенциональных научных идеализаций. Сохраняются ли эти проблемы при смене теоретической рамки? На примере байесовской эпистемологии показано, что хоть незнание и заблуждение вызывают некоторые трудности при описании, основные проблемы всё же могут быть решены. В отличие от традиционной оппозиции истинного и ложного, данный подход трактует познание как динамическую смену степеней уверенности субъекта в способности суждения достоверно описывать действительность. Предлагается вывод о том, что незнание и заблуждение являются формами доопытного байесовского убеждения. Это новая категория, которая, на наш взгляд, довольно точно описывает особенности познавательной деятельности субъекта современного информационного общества, удалённого от возможности проверки научного знания на собственном опыте и всё чаще полагающегося на опыт третьих лиц и на доверие к информаторам.

Ключевые слова: незнание, заблуждение, агнотология, байесовская эпистемология, научные идеализации, отложенное суждение.

Миф Платона о пещере – одна из самых известных философских аллегорий, иллюстрирующая проблему соотношения мира реального и умопостигаемого, и традиционно в центре такого обсуждения оказывается проблема истинного знания и его достижения. Но является ли эта аллегория на самом деле рассказом о знании? В диалоге с Главконом Сократ повествует о двух глубоких психологических переживаниях человека: выходе из пещеры и возвращении в нее. То, что видят узники в тенях на стене, – отнюдь не «ничего», не темнота, и потому выход из нее иллюстрирует не приобретение знания, а разрушение веры в истинность ранее принятых убеждений. «Выход из пещеры» – это сложный и травмирующий опыт для узника (хотя бы в силу тех особенностей познания, которые сегодня связывают, например, с когнитивным диссонансом или эпистемическим конфликтом), который постепенно и ретроспективно обнаруживает себя в незнакомых до этого момента состояниях, – незнания и заблуждения. По возвращении в пещеру он не способен убедить вечных узников в своем открытии, но все же приносит им нечто новое – на фоне их уверенности в своих знаниях теперь уже он становится олицетворением заблуждения, незнания, безумия.

Итак, аллегория пещеры – это рассказ о знакомстве с незнанием и заблуждением. Кажется, эти понятия отличаются направленностью: мы говорим «узники *не знают*, что мир таков», когда мы знаем о мире чуть больше, чем они, и «узники *заблуждаются*, что мир таков», когда мы знаем о мире чуть менее ошибочно, чем они. При этом первое не обязательно влечет второе, но второе никак не отменяет первое: можно просто не знать, не заблуждаясь, но невозможно находиться в заблуждении и не иметь никаких представлений о предмете.

Затем, в зависимости от желаемой детализации описания познавательной ситуации, эти термины могут быть синонимами (и заблуждение, и незнание – это отсутствие истинного знания) или практически антонимами (отсутствие какого-либо, в том числе ложного, убеждения против наличия ложного убеждения).

Проблеме заблуждения посвящено на удивление небольшое количество работ, что, вероятно, связано с двумя причинами. Во-первых, с неясным статусом заблуждения как пропозициональной установки: заблуждение субъективно переживается как знание, а атрибуция заблуждения третьим лицам – как незнание. Во-вторых, с невозможностью изолировать его от социальности: как и незнание, заблуждение является относительным и оценочным понятием, «здесь-и-сейчас» заблуждаться может только третье лицо, кажется совершенно абсурдным сказать «прямо сейчас я заблуждаюсь, что земля имеет форму песочных часов» и продолжать придерживаться этого убеждения как истинного (равно как и сказать «прямо сейчас я ничего не знаю о том, что земля имеет форму сплюснутого шара»). Если объединить эти два наблюдения, то можно обозначить два подхода к проблематизации состояний заблуждения и незнания, назовем их эпистемологический и психологический в зависимости от типа лежащей в их основе уверенности [17; 23].

Эпистемологическая уверенность в истинности того или иного утверждения следует из того, насколько добросовестно соблюдена процедура обоснования. К примеру, некто знает, что на улице идет дождь, потому что находится на улице и наблюдает все признаки дождя, или, скажем, ботаник знает, что растение погибает из-за нехватки света, потому что знает физиологию растительных организмов и может по внешним признакам отличить последствия недостатка света. Эти убеждения основаны на свидетельствах, которые «дают человеку наивысшую степень обоснования» [25, с. 35] и соответствуют конвенциональным представлениям об истине. Последнее является важным условием для любого эпистемического состояния. Новая философская энциклопедия трактует заблуждение как «понятие, фиксирующее момент ограниченности знания, его несоответствия своему объекту или несовместимости с принятым знанием» [4, с. 32]. То же самое можно сказать о незнании: оно фиксирует границы познанного и указывает на несоответствие наличных убеждений доступным убеждениям. То, что превращает убеждение в заблуждение, а отсутствие информации в регистрируемое незнание, – это качество культурно принятого знания.

С точки зрения эпистемологической уверенности состоянию «знать истинно» (согласно принятым процедурам обоснования) противостоит состояние «не знать истинно», которое может выражаться как в том, чтобы знать ложно (заблуждаться), так и в том, чтобы не знать вообще. Человек, не знающий ничего о питании растений, и человек, убежденный, что растениям для выживания достаточно слов поддержки, не знают истинно в равной мере, и дифференциация их состояний вторична. Однако, оглядываясь на заблуждение второго человека, мы можем указать и на его незнание, – незнание биологии, ботаники, физиологии, научной картины мира в целом.

Впрочем, как отмечает П. Д. Кляйн (Ратгерский университет, США), «степень уверенности не обязательно связана со степенью доказательств, которые S имеет для p. Некоторые люди могут чувствовать уверенность в том, что p, на основе слабых, неадекватных или, возможно, даже противоречащих друг другу доказательств. Другие некоторые могут чувствовать себя уверенными, не имея никаких доказательств вообще» [17, с. 128]. Это характерно для второго подхода, который мы обозначили как психологический.

Психологическая уверенность не требует веских оснований, ограничиваясь наличием искренней веры человека в то, что он считает истинным. Однако этот подход оказывается крайне затруднительным. Во-первых, это условие буквально запрещает заблуждение; как уже было отмечено ранее, невозможно придерживаться таких убеждений, которые субъект полагает в корне ошибочными. Во-вторых, если мы принимаем естественную установку человека слишком высоко оценивать истинность своих наличных убеждений (об этом немало сказано в когнитивной психологии [9]), то заблуждением для субъекта становится все, что не согласуется с представлениями о мире.

Переход от оппозиции «ложное – истинное» к измерению степеней «более уверен – менее уверен» ровным счетом ничего не говорит о статусе заблуждения, что дает альтернативу ранее предложенной структуре: с точки зрения психологического подхода, состоянию «не иметь убеждения» противостоит состояние «иметь убеждения», которое может выражаться в том, чтобы иметь убеждение ложное (заблуждаться) или истинное (знать – в философском смысле термина). Для удобства эту разницу можно изобразить схематически (рис. 1).

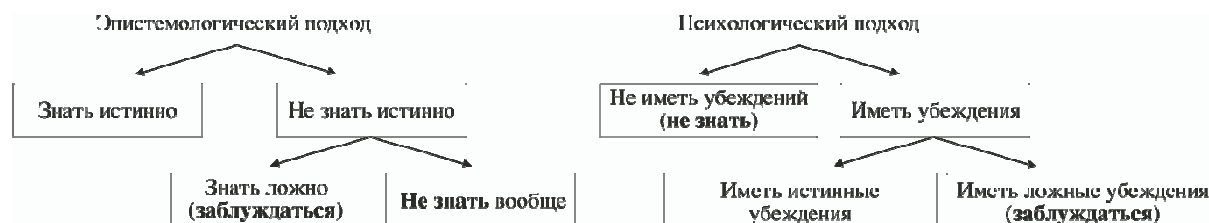

Рис. 1. Эпистемологический и психологический подход

Эпистемологический подход: заблуждение как форма незнания. Заблуждение – это отсутствие истинного знания, сопровождаемое верой в истинность ложного утверждения, и первая часть этого уравнения позволяет назвать заблуждение формой незнания. Подходящую для этого классификацию еще в XIII в. разработал Генрих Гентский. Опираясь на учение Аристотеля о действиях в незнании и по незнанию, он отличает незнание от утверждения, при котором истины ускользают от человека из-за ошибочных утверждений, что он полагает достоверными, от незнания от отрицания, описывающее отсутствие какого-либо ответа на вопрос [26]. Однако, за исключением удобной терминологии, его наследие по этому вопросу оказывается довольно скромным.

Можно предположить, что «формула» незнания от отрицания проста: S находится в состоянии незнания, что p , от отрицания, если S не имеет никаких убеждений относительно p . По аналогии с этим, незнание от утверждения означает, что субъект все же обладает какими-то определенными убеждениями, которые не соответствуют критериям, выдвигаемым к понятию знания, или, проще говоря, субъект не знает нечто, потому что «знает что-то другое», или знает что-то, что не позволяет ему проанализировать новое знание. Незнание от утверждения вполне может выражаться в понятии «заблуждение»: S не знает, что p , но искренне верит в истинность $не-p$, в то время как p истинно.

Или:

- I. из множества утверждений о p одно обязательно должно быть истинным;
- II. существует процедура обоснования одного из утверждений как истинного;
- III. S имеет убеждение, что относительно p , обоснование которого не соответствует данной процедуре.

Например, из множества взаимоисключающих утверждений о глобальном потеплении одно является истинным. Процедура обоснования одного из них широко известна научному сообществу, однако существует многочисленная группа людей, не принимающих позицию согласия с обоснованным утверждением, ссылаясь на менее достоверные и не соответствующие принятой эпистемологической процедуре обоснования. Для стороннего («знающего») наблюдателя доля истинных убеждений относительно глобального потепления у тех, кто полностью заблуждается, и тех, кто в первый раз о нем слышит, идентична ($=0$). Однако совершенно очевидно, что сами по себе эти ситуации не идентичны.

Прагматика любого эпистемического акта, особенно что касается науки, заключается в том, что «знать истинно» или «иметь истинные убеждения», являются состояниями полезными, желаемыми, способствующими движению научного прогресса, в то время как заблуждение является препятствием на пути к пониманию действительности. И тем не менее современные философы довольно скептически отнеслись бы к подобному упрощению.

Возьмем пример К. Элгин (Гарвард, США): «Репрезентация идеального газа – это фикция предполагаемого газа, который в точности удовлетворял бы закону идеального газа. Такой газ состоит из идеально эластичных сферических частиц незначительного объема и не проявляет межмолекулярных сил притяжения. Он иллюстрирует 13 свойств и их последствия и тем самым показывает, как будет вести себя такой газ» [10, с. 84]. Существует знание описания идеального газа, хотя идеального газа для описания не существует, – при всей очевидной

эпистемической пользе (выявления свойств реальных газов), где в приведенных выше схемах место такому знанию?

Единственное знание об идеальном газе, которое можно отнести к ячейке «знать истинно», – это «я знаю, что идеальный газ не существует», но, разумеется, наука обладает большим арсеналом иных пропозиций по данной теме, а ученый, использующий модель идеального газа, совершенно точно имеет некоторые убеждения на этот счет, отдавая себе отчет в том, что предмет его убеждений не существует сам по себе. Идеальный газ не является исключением, – географическая широта и долгота или земная ось являются воображаемыми линиями, а материальные объекты не обязательно являются носителями приписываемых им математических свойств. Д. Притчард (Эдинбургский Университет, Шотландия) удачно резюмирует эту мысль: хотя ученые прекрасно осознают, что р ложно, существует видимая эпистемическая полезность в том, чтобы действовать так, как если бы оно было истинным [21, с. 7]. Это намекает на то, что хорошая научная практика во многом связана с использованием моделей и идеализаций, которые, строго говоря, ложны [21, с. 7], и ни знанием, ни заблуждением, ни незнанием в полной мере считаться не могут. В таких случаях утверждение не реально (в смысле – не описывает реальное положение дел), но степень уверенности в его достоверности высока; ложное убеждение (то есть – заблуждение) остается разумным.

Должны ли мы дополнить схему категориями «знать полезно»? Скорее всего, нет. Полезное знание может быть истинным или ошибочным, а установление полезности – это сомнительное с точки зрения логики требование и опасное с точки зрения истории и философии науки условие для научной прогностики.

Психологический подход: заблуждение как форма убеждения. Что бы мы ни говорили о заблуждении со стороны, от первого лица оно переживается неотличимо от знания, и именно поэтому с античных времен одной из главных задач философии был и остается поиск средств защиты мышления от ошибок. Посмотрим на два простых наблюдения:

1) Вряд ли существует человек, который может искренне, без тени иронии сказать: «мои убеждения в корне ошибочны».

2) Существует множество людей, глядя на которых мы можем сказать: «их убеждения в корне ошибочны».

Эти наблюдения кажутся простыми только по отдельности, но их сложение может оказаться довольно тревожным. Карл Юнг говорил о человеке, что тот постоянно находится под влиянием мании величия своих знаний: мы предполагаем, что люди вокруг на удивление невежественны, но никогда не думаем о себе как о невежественном человеке [15].

До этого удивительно точную формулировку предложил Гельвеций: знающий может понять незнающего, поскольку сам когда-то был незнающим; но незнающий принципиально не может понять знающего, и ему остается только доверять или не доверять ему [1, с. 193]. Сегодня эта идея наиболее известна как эффект Даннинга – Крюгера, который объясняет склонность человека переоценивать свою собственную компетентность, идеализировать способность отличать истинное от ложного и недооценивать долю заблуждений, которыми он руководствуется в повседневной и профессиональной жизни. Наиболее точное изложение этого эффекта таково: некомпетентные люди слишком некомпетентны, чтобы оценить свою собственную некомпетентность. Или: самовосприятие компетентности часто отличается от фактической компетентности [9]. «Пик глупости», как отмечают авторы, – это начальный этап на пути к обретению экспертных знаний, когда человеку впервые кажется, что он, наконец, окончательно разобрался с темой. Уровень самоуверенности у такого человека немногим меньше (а то и больше) экспертного, однако содержательно его знания остаются ближе к знаниям новичка, чем к знаниям специалиста. Тогда, когда человек осознает это, он переживает «долину отчаяния», и по мере того, как опыт работы с предметом увеличивается, уверенность в своей компетентности обычно сближается с ее реалистичным уровнем. Это является наиболее известным примером когнитивно-психологического изучения формирования экспертности, и оно исходит из фундаментальной трудности рефлексии над заблуждением и его феноменологической близости к переживанию знанию, чем к переживанию незнания.

Все это указывает на то, что заблуждение – это не переживаемое состояние, а атрибуция состояния, то есть оценочные свойства, приписываемые одними субъектами другим (или же субъектом-сейчас субъекту-прежде). Об относительности незнания и заблуждения сказано и в пещере Платона: сами по себе убеждения предшествуют событиям, но заблуждение и незнание раскрываются через отношение между освободившимся узником и заточенными узниками.

В отличие от заблуждения, незнание может быть как атрибуцией, так и вполне осознаваемым состоянием. Г. Шаффер (Ратгерский университет, США) описал обстоятельства, при которых незнание как установка является следствием не отсутствия информации, а ее получения, и оказывается вполне доступным от первого лица: «при необходимости оценить, является ли ваза, представленная как ваза эпохи Мин, действительно таковой, появляется два суждения: (1) ваза подлинная и (2) ваза поддельная. Решение этого вопроса сводится к весу доказательств по обеим сторонам вопроса. Если у меня мало доказательств с обеих сторон – мало причин верить или не верить в подлинность вазы, – тогда я оценю и (1) и (2) очень низко; в крайнем случае, если никаких доказательств вообще нет, я установлю оба точно равными нулю. Если, с другой стороны, доказательства почти окончательно подтверждают подлинность вазы, то я поставлю (1) около единицы, а (2) около нуля» [24, с. 5–6]. Это означает, что предшествующие схемы можно переформулировать (рис. 2).

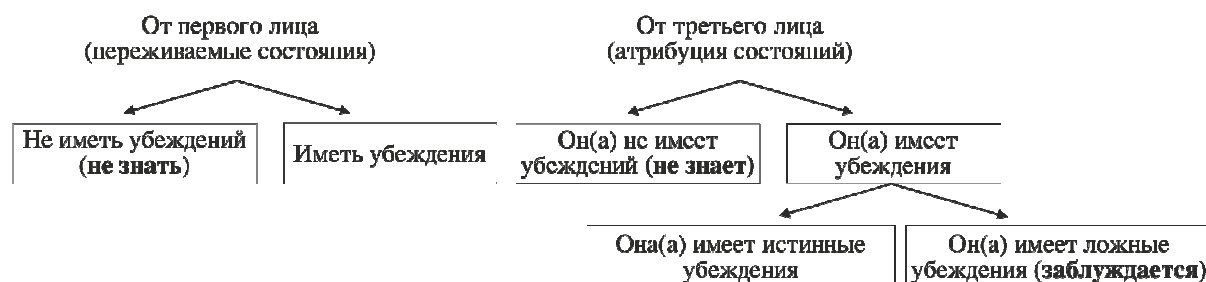

Рис. 2. Подходы к незнанию и заблуждению от первого лица и от третьего лица

Несмотря на то, что новая схема решает проблему с невозможностью реализации условий «мои убеждения в корне ложны» или «прямо сейчас я заблуждаюсь в том, во что верю», она все еще не выглядит корректной.

Понимание того, что убеждение третьего лица о мире может противоречить реальности, как и способность отслеживать и предсказывать состояния убеждений других, формируется в возрасте 4–5 лет, что привлекает к дискуссии как психологов (для обзора – [27; 28]), так и философов [8; 16; 29]. Однако в обычной жизни, в отличие от обсуждаемых в перечисленных источниках экспериментальных задач на ложные убеждения, агенты не имеют прямого доступа к доказательствам, которые известны и значимы для оцениваемого третьего лица. Единственное, чем мы можем воспользоваться для подобной атрибуции, – это степени нашей уверенности.

Степень уверенности незаметно фигурирует во всех рассмотренных обстоятельствах. Степень уверенности освободившегося из пещеры узника в достоверности того, что он увидел непосредственно своими глазами, намного выше, чем вера в убеждения, которые он разделял до своего освобождения, – но то же самое справедливо и для вечных узников, предпочитающих свой опыт над рассказами «сумасшедшего беглеца». Упомянутая формулировка Гельвеция о принципиальной невозможности достижения понимания между знающим и незнающим или заблуждающимся указывает на то, что степень уверенности в информаторе должна превосходить степень веры в наличные убеждения. В случае с идеальным газом показателем состояния знания является не истинность самого утверждения, а степень уверенности субъекта в инструментальной способности утверждения достоверно описывать действительность (хотя вне контекста это показалось бы одним и тем же). В случае с вазой мы наблюдаем распределение уверенности по гипотезам со сбалансированным или с низким, даже нулевым, показателем.

Утверждение, что мы верим гораздо большему, чем знаем, и что разные степени уверенности, а не бинарное отношение «истинно – ложно», определяют наши эпистемические состояния – это визитная карточка байесовских подходов в теории познания [3; 5; 18; 19; 20], в частности, их социально-эпистемологических [14; 20] и когнитивно-философских [22] приложениях. К их основным содержательным чертам, помимо указанного выше положения о степенях доверия и вопросов формализации [20], относят внимание к обновлению степеней рациональной уверенности в зависимости от получения новых данных [3, с. 24], в том числе к тому, как люди могут менять свои убеждения в противоположных направлениях на основании одного и того же факта просто потому, что в основе их познания лежат разные каузальные модели мира, или под воздействием неэпистемических факторов [22] (к примеру, байесовский анализ дал новое прочтение проблемам коммуникации научных сообществ с обще-

ственностью [12], влияния религиозности ученых на степень доверия обывателей к ним [13], а также вопроса коллективного знания судей и присяжных в криминальном доказательстве [14]). Для байесианства никакое знание не является полным, поскольку сделать ставку на один ответ означает не допускать никакой гипотетической вероятности, что существует опровергающее доказательство. Несмотря на многочисленные философские дебаты по разным поводам, возникающим в ответ на эти положения (к примеру, спор об исчислении вероятностей Б. Фительсона и Дж. Поллока [11] или о подтверждении неопределенными доказательствами Ф. Хьюбера и коллектива философов из Триестского университета [7]), мы полагаем, что они кажутся перспективной областью для анализа таких странностей классической эпистемологии, как заблуждение и незнание.

Байесовский подход: незнание и заблуждение как распределение степеней уверенности. Вопрос о том, что такое незнание для байесовских эпистемологий, практически тупиковый, поскольку не знать, что p формально неотличимо от знания, что p ложно. Известно, что незнание исключает степень уверенности (нельзя быть уверенным в том, что неизвестно), следовательно, незнание – это какая-то критически низкая или даже нулевая степень уверенности. Но что такое низкая степень веры в истинность утверждения? Это может быть как и неспособность доказательств поддержать одно из утверждений, так и способность доказательств точно сработать против них. К примеру, низкую степень уверенности имеют гипотезы «У Плутона пять спутников» и «У Плутона восемь спутников», потому что они слишком неопределенные (разумеется, не для всех), и гипотезы «На Плутоне живут кенгуру» и «На Плутоне растут абрикосы», потому что они ложные. Традиционное решение предполагает, что незнание инвариантно: сумма численного выражения вероятности того, что «У Плутона пять спутников» и «У Плутона не пять спутников», дают единицу. Доопытно мы бы выразили больше уверенности во втором утверждении, так как оно включает в себя большее количество гипотетически правильных ответов, но ознакомившись со статьей о Плутоне в энциклопедии, можно приписать первому утверждению высокую вероятность и оценить это как знание, а второму – нулевую. Ознакомившись с гипотезой о неоткрытых спутниках Плутона, уверенность во втором утверждении снова повысится, но лишь до тех пор, пока отчеты межпланетных исследовательских станций не укажут нам на то, что гипотеза не подтвердилась. Это пример байесианского рассуждения: оно динамично реагирует на новые доказательства, в том числе в зависимости от нашего доверия к источнику сообщений. Однако вернемся к эксперименту с вазой, – байесианцы назвали бы его примером нейтральной вероятности [5], – в которой Г. Шафер прямо указывает на невозможность получения единицы: «если у меня мало доказательств с обеих сторон, я оценю их очень низко, если никаких доказательств вообще нет, я установлю оба точно равными нулю», хотя, разумеется, третьего не дано, ваза либо подлинная, либо не подлинная. Распределения степени уверенности не дают единицы, но остаются инвариантными: у нас не больше уверенности в утверждении, чем в его отрицании. Такая нейтральность не только естественна для человеческого ума, но и необходима для его описаний, учитывая то, как в нем уживаются разнородные знания, – формально противоречивые, но нейтральные для самого человека, который в силу ряда обстоятельств обязан иметь его в своей структуре, но не обязан растворять их в последней [2, с. 413–414].

Состояние незнания как отложенного суждения, или как отсутствия поддержки каждой из гипотез, встречается повсеместно: когда медицинский диагноз не может быть поставлен точно, когда научное исследование приводит к неоднозначным эмпирическим данным, когда следователь опрашивает не связанных с преступлением родственников подозреваемого, когда учитель задает дополнительные вопросы ученику, прежде чем сделать вывод, является ли неудачная формулировка ошибкой выражения или ошибкой мышления. И в этих примерах кроется нечто, что позволяет разграничить низкую степень уверенности от незнания и низкую степень уверенности от наличия опровергающих доказательств, а именно предвкушение разрешающего неопределенность опыта. Априорные убеждения, как в случае с вазой или учителем, предшествуют динамичному элементу всей байесовской эпистемологии, – оценке доказательств. В отличие от низкой степени уверенности в утверждениях о наличии абрикосовых рощ на других планетах, которым предшествует опыт, связанный с базовым пониманием растений и атмосфер планет, незнанию не предшествует ничего. Таким образом, байесовское незнание – априорное нейтральное распределение вероятностей по взаимоисключающим гипотезам без доступа к убедительным аргументам в пользу одной из них.

Заблуждение также представляется доопытным убеждением: невозможно представить, чтобы человек, высоко оценивающий вероятность наличия абрикосов на Плутоме, располагал опытом, идентичным тому, кто оценивает эту вероятность как критически низкую. Это не означает, что опыт, который мы можем оценить как релевантный для формирования убеждений относительно p , вообще не затронул S , но можно точно заключить, что этот опыт не был включенным в рассуждение, переработан или «растворен» [2, с. 411] в индивидуальных доксистических структурах.

Как и в случае с незнанием, байесовское заблуждение сперва кажется парадоксом: убеждения могут обновляться только в том направлении, которое подсказывают доказательства, поэтому, на первый взгляд, S не может демонстрировать высокую степень убежденности в ложное утверждение. Однако это прочтение не совсем корректно, и здесь наиболее иллюстративным является пример с антинаучными убеждениями. Этот эффект рассматривается в ранее упомянутом британском исследовании У. Хана, А. Дж. Л. Харриса и А. Корнера [12], но резонно упомянуть работу Дж. Кука и С. Левандовски, посвященную проблеме поляризации мнений [6]. Исследователи замечают, что байесовские убеждения обновляются после опыта, но каким опытом может располагать современный обыватель относительно научных фактов? Большинство из нас не обладает никакими навыками для оценки первичных научных данных, их доказательств и авторитетов, информирующих о научных консенсусах, что превращает научное просвещение в формат свидетельских показаний. Наш единственный опыт – это доверие к информатору, но доопытное пренебрежительное отношение человека к ученым превращает научных просветителей в не вызывающих доверия информаторов, и все сказанное такими информаторами подтверждает лженаучные заговоры и укрепляет поляризацию мнений [6, с. 161]. Таким образом, одни и те же доказательства, никак не нарушая логики байесовского подхода, могут иметь противоположный эффект, если люди имеют противоположные взгляды на надежность источника. Распределение уверенности в истинности утверждений включает в себя не только информацию извне (например, результаты научного исследования), но также внутренние системы верований и предыдущий опыт человека, а также мировоззренческие установки, накладываемые социальной идентичностью (в примере Дж. Кука и С. Левандовски это распределение лженаучных убеждений в разных политических сообществах в США). На основе этого может быть сформировано и ложное убеждение, например, в случае, когда внутренние сигналы и предшествующий опыт перевешивают внешние доказательства: партийный соратник, ведущий дебаты с ученым, будет оцениваться более доверительно, чем этот самый ученый, независимо от его признания в научном сообществе. Мы предлагаем добавить к этому то, что в описываемых обстоятельствах опыт ученого и опыт политика представляют собой разные миры, и каждый из ораторов исходит из убеждений «до опыта» или вообще «вне опыта» по отношению друг к другу (это описание указывает на учет проблемы атрибутивного характера заблуждения). Таким образом, внешние доказательства увеличивают внутреннее распределение вероятности, но не в той мере, чтобы переосесть некоторое пороговое значение, то есть предлагаемого доказательства недостаточно, чтобы оценка вероятности опустилась ниже порогового значения, что позволяет агентам продолжать верить, что истинное доказательство ложно (или что ложные доказательства верны). На основании этого можно подытожить вопрос о статусе заблуждения: байесовское заблуждение – результат априорного (но уже не нейтрального) распределения вероятностей по взаимоисключающим гипотезам, предвосхищающего доступ к убедительным аргументам (например, при помощи доверия к источнику на основании неэпистемических факторов). Другим результатом такого распределения может быть удачная догадка, случайно оказавшаяся верной (например, случаи Геттэ – однако это требует отдельного исследования).

Проделанная работа позволяет предложить такую альтернативу рассмотренным выше психологическому и эпистемологическому подходу с возможностью включить в нее аномальные случаи с отложенными суждениями и конвенциональными научными идеализациями. Теперь мы можем предположить, что незнание и заблуждение, равно как и необоснованные, но истинные убеждения (догадки), – это состояния, возникающие в ответ на доопытное распределение степеней уверенности в p , то есть без возможности доступа к уточняющим и проясняющим доказательствам (опыту). Знание, или истинное убеждение, хоть и остается крайне сложным философским понятием, теперь можно отличить от заблуждения, субъективно переживаемого как знание. Однако, конечно, это влечет новые вопросы, например, о том, что мог бы означать опыт, ведущий только к знанию, или о толкованиях нового опыта,

что было отмечено у Дж. Кука и С. Левандовски, в связи с чем переход от доопытного байесовского убеждения к знанию через получение нового опыта должен быть нелинейным, само получение новых данных и нового опыта не является разовым актом, скорее, циклом или этапом, на котором мы обнаруживаем себя каждый раз, когда сталкиваемся со своим невежеством или научными ошибками. Условно описанное можно представить следующим образом (рис. 3).

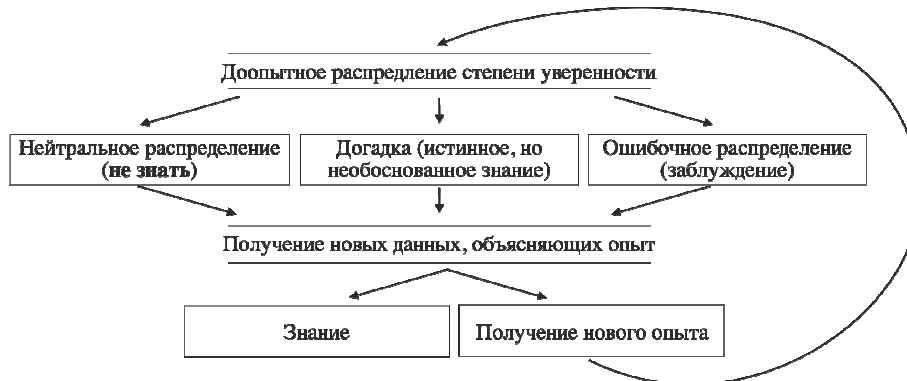

Рис. 3. Байесовский подход к незнанию и заблуждению

Конечно, представленная схема не безупречна, но ограничимся замечанием, что она не иллюстрирует познание в целом, и что ее содержание важно исключительно в контексте настоящей статьи. Во-первых, благодаря способности идеи доопытного байесовского убеждения объединить в себе незнание и заблуждение. Во-вторых, за счет разрешения противопоставления переживаемых состояний и атрибуций состояний: для данной схемы утрачивается актуальность вопроса о том, говорим ли мы о незнании/заблуждении третьего лица или ретроспективно оцениваем индивидуальную эволюцию убеждений, оба обстоятельства доступны с момента обновления степени рациональной уверенности в ответ на получение новых данных.

На наш взгляд, подобные исследования не просто интересны для философии, а имеют высокую практическую значимость в современной культуре познания. О роли ученого в обществе и проблемах недоверия к науке сказано уже многое, но решение насущной проблемы пока не сформировалось. Необходимо признать, что интригующим вопросом является не то, почему и как люди знают то, что они знают, – традиционный вопрос эпистемологии, – а то, почему в условиях беспрецедентного доступа к научному знанию люди остаются в незнании и неверии, почему по мере развития общества проблема усугубляется. Тем не менее даже такой краткий анализ заблуждения и незнания, как байесовских состояний убеждения, указывает на то, что принимаемые в борьбе с невежеством меры, – повторение научных фактов как незыблемых истин и безоговорочное позиционирование одних лиц как гарантов истины, – не способны быть результативными там, где вера обывателя в науку уже пошатнулась. Искать в байесианстве, как и в иных неклассических эпистемологических проектах, готовое альтернативное решение этой проблеме преждевременно и, возможно, самонадеянно, но нельзя отрицать тот факт, что они определенно вносят нечто новое, в том числе – проливают свет на неожиданное содержание, казалось бы, несерьезных для теории познания категорий, как, например, незнание или эпистемическое безразличие, тем самым предлагают по-байесовски новые способы объяснить познавательный опыт человечества, следовательно, позволяют обновить или пересмотреть степени нашей уверенности в ранее принятых моделях и решениях.

Список литературы

1. Гельвеций. Сочинения : в 2-х т. Т. 1 / сост., общая ред. вступ. статья Х. Н. Момджяна. М. : Мысль, 1973. 647 с.
2. Дорожкин А. М. Модели трансляции знания // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2004. № 1. С. 408–414.
3. Думов А. В. Байесовский подход к пониманию научной рациональности // Секулярный век: вызовы цивилизации : мат-лы национальной научной конференции, посвященной Всемирному дню философии. Красноярск, 2021. С. 23–26.
4. Касавин И. Т. Заблуждение // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. 2. М. : Мысль, 2001. 2659 с.
5. Benétreau-Dupin Y. The Bayesian who knew too much // Synthese. 2015. Vol. 192. № 5. Pp. 1527–1542. DOI: 10.1007/s11229-014-0647-3.

6. Cook J., Lewandowsky S. Rational irrationality: Modeling climate change belief polarization using Bayesian networks // Topics in cognitive science. 2016. Vol. 8. № 1. Pp. 160–179. DOI: 10.1111/tops.12186.
7. Crupi V., Festa R., Mastropasqua T. Bayesian confirmation by uncertain evidence: a reply to Huber // The British Journal for the Philosophy of Science. 2008. Vol. 59. № 2. Pp. 201–211.
8. Dennett D. C. Brainstorms: Philosophical essays on mind and psychology. MIT press, 2017. 424 p.
9. Dunning D. The Dunning–Kruger effect: On being ignorant of one's own ignorance // Advances in experimental social psychology. Academic Press, 2011. Vol. 44. Pp. 247–296.
10. Elgin C. Z. Exemplification, Idealization, and Understanding // Fictions in Science: Essays on Idealization and Modeling / Mauricio Suárez (ed.). London : Routledge, 2009. Pp. 77–90.
11. Fitelson B. Pollock on probability in epistemology // Philosophical Studies. 2010. Vol. 148. № 3. Pp. 455–465. DOI: 10.1007/s11098-009-9492-5.
12. Hahn U., Harris A. J. L., Corner A. Public reception of climate science: Coherence, reliability, and independence // Topics in cognitive science. 2016. Vol. 8. № 1. Pp. 180–195. DOI: 10.1111/tops.12173.
13. Hoogeveen S. et al. The Einstein effect provides global evidence for scientific source credibility effects and the influence of religiosity // Nature Human Behaviour. 2022. Vol. 6. № 4. Pp. 523–535. DOI: 10.1038/s41562-021-01273-8.
14. Jellema H. Reasonable Doubt from Unconceived Alternatives // Erkenntnis. 2022. Pp. 1–26. DOI: 10.1007/s10670-022-00565-3.
15. Jung C. G., Hinkle B. M., McGuire W. Psychology of the Unconscious: A Study of the Transformations and Symbolisms of the Libido. Routledge, 2019. 466 p.
16. Jurgens A. False-belief task know-how // Synthese. 2022. Vol. 200. № 3. Pp. 1–22. DOI: 10.1007/s11229-022-03630-0.
17. Klein P. D. Certainty: A refutation of scepticism. University of Minnesota Press, 1984. 243 p.
18. Landes J. Bayesian Epistemology // KRITERION – Journal of Philosophy. 2022. Vol. 36. № 1. Pp. 1–7. DOI: 10.1515/krt-2022-0005.
19. Lin H. Bayesian Epistemology // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / E. N. Zalta, U. Nodelman (Eds.). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2022/entries/epistemology-bayesian/>.
20. Olsson E. J. Bayesian Epistemology // Introduction to Formal Philosophy / S. O. Hansson, V. F. Hendricks (Eds.). Springer, Cham, 2018. Pp. 431–442.
21. Pritchard D. Epistemically useful false beliefs // Philosophical Explorations. 2017. Vol. 20. № 1. Pp. 4–20. DOI: 10.1080/13869795.2017.1287291.
22. Quillien T. Rational information search in welfare-tradeoff cognition // Cognition. 2023. Vol. 231. Pp. 105–317. DOI: 10.1016/j.cognition.2022.105317.
23. Rose J. An Epistemology of False Beliefs: The Role of Truth, Trust, and Technology in Postdigital Deception // The Epistemology of Deceit in a Postdigital Era. Springer, Cham, 2021. Pp. 21–37.
24. Shafer G. A mathematical theory of evidence. Princeton : Princeton university press, 1976.
25. Stanley J. Knowledge and certainty // Philosophical Issues. 2008. Vol. 18. Pp. 35–57. DOI: 10.1111/j.1533-6077.2008.00136.x.
26. Teske R. J. Henry of Ghent's Summa of ordinary questions. Article one: On the possibility of knowing. St Augustine Press Inc, 2008. 136 p.
27. Tomasello M. How children come to understand false beliefs: A shared intentionality account // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2018. Vol. 115. № 34. Pp. 8491–8498. DOI: 10.1073/pnas.1804761115.
28. Wellman H. M., Cross D., Watson J. Meta-analysis of theory-of-mind development: The truth about false belief // Child development. 2001. Vol. 72. № 3. Pp. 655–684. DOI: 10.1111/1467-8624.00304.
29. Westra E. Pragmatic development and the false belief task // Review of Philosophy and Psychology. 2017. Vol. 8. № 2. Pp. 235–257. DOI: 10.1007/s13164-016-0320-5.

Ignorance and delusion

Golubinskaya Anastasia Valeryevna¹, Dorozhkin Alexander Mikhailovich²

¹PhD in Philosophical Sciences, researcher at the Laboratory of Social Anthropology,
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Russia, Nizhny Novgorod. ORCID: 0000-0002-7119-3968. E-mail: golub@unn.ru

²Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Lobachevsky
Nizhny Novgorod State University, Professor of the Institute of Applied Physics of the Russian Academy of Sciences.

Russia, Nizhny Novgorod. ORCID: 0000-0003-2954-1647. E-mail: a.m.dorozhkin@gmail.com

Abstract. For the classical theory of knowledge, ignorance and delusion are atypical, strange categories. Nevertheless, without addressing them, it is hardly possible to get answers to some questions that arise in modern society, for example, why, in conditions of unprecedented access to scientific knowledge, people remain in ignorance and disbelief, and why, with the development of scientific education, expert consensus are in-

creasingly becoming an occasion for public debate. In light of this, establishing the content of ignorance and delusion as epistemic states becomes, on the one hand, an urgent, and on the other hand, a difficult task to implement: two main approaches to its solution, epistemological and psychological, are insufficient and even internally contradictory.

The article discusses the reasons why existing approaches to the problem do not set a general theoretical framework for these states and lead to incorrect or even anomalous conclusions, for example, regarding states of deferred judgment or conventional scientific idealizations. Do these problems persist when changing the theoretical framework? Using the example of Bayesian epistemology, it is shown that although ignorance and delusion cause some difficulties in describing, the main problems can still be solved. In contrast to the traditional opposition of true and false, this approach interprets cognition as a dynamic change in the degrees of confidence of the subject in the ability of judgment to reliably describe reality. The conclusion is proposed that ignorance and delusion are forms of pre-experimental Bayesian belief. This is a new category, which, in our opinion, quite accurately describes the features of the cognitive activity of the subject of the modern information society, remote from the possibility of verifying scientific knowledge on their own experience and increasingly relying on the experience of third parties and on the credibility of informants.

Keywords: ignorance, delusion, agnotology, Bayesian epistemology, scientific idealization, deferred judgment.

References

1. *Gel'vecij. Sochineniya : v 2-h t. T. 1* [Helvetius Essays : in 2 vols. Vol. 1] / comp., gen. ed. introduction. article by H. N. Momjyan. M. Mysl' (Thought). 1973. 647 p.
2. *Dorozhkin A. M. Modeli translyacii znaniya* [Models of knowledge translation] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki – Herald of Nizhny Novgorod University n. a. N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. 2004. No. 1. Pp. 408–414.
3. *Dumov A. V. Bajesovskij podhod k ponimaniyu nauchnoj racional'nosti* [Bayesian approach to understanding scientific rationality] // *Sekulyarnyj vek: vyzovy civilizacii : mat-ly nacional'noj nauchnoj konferencii, posvyashchennoj Vsemirnomu dnyu filosofii – Secular age: challenges of civilization : materials of the national scientific conference dedicated to the World Philosophy Day*. Krasnoyarsk. 2021. Pp. 23–26.
4. *Kasavin I. T. Zabluzhdenie* [Delusion] // *Novaya filosofskaya enciklopediya : v 4 t. T. 2 – New philosophical Encyclopedia : in 4 vols. Vol. 2. M. Mysl' (Thought)*. 2001. 2659 p.
5. *Benétreau-Dupin Y.* The Bayesian who knew too much // *Synthese*. 2015. Vol. 192. No. 5. Pp. 1527–1542. DOI: 10.1007/s11229-014-0647-3.
6. *Cook J., Lewandowsky S.* Rational irrationality: Modeling climate change belief polarization using Bayesian networks // *Topics in cognitive science*. 2016. Vol. 8. No. 1. Pp. 160–179. DOI: 10.1111/tops.12186.
7. *Crupi V., Festa R., Mastropasqua T.* Bayesian confirmation by uncertain evidence: a reply to Huber // *The British Journal for the Philosophy of Science*. 2008. Vol. 59. No. 2. Pp. 201–211.
8. *Dennett D. C.* Brainstorms: Philosophical essays on mind and psychology. MIT press, 2017. 424 p.
9. *Dunning D.* The Dunning-Kruger effect: On being ignorant of one's own ignorance // *Advances in experimental social psychology*. Academic Press, 2011. Vol. 44. Pp. 247–296.
10. *Elgin C. Z.* Exemplification, Idealization, and Understanding // *Fictions in Science: Essays on Idealization and Modeling* / Mauricio Suárez (ed.). London : Routledge, 2009. Pp. 77–90.
11. *Fitelson B.* Pollock on probability in epistemology // *Philosophical Studies*. 2010. Vol. 148. No. 3. Pp. 455–465. DOI: 10.1007/s11098-009-9492-5.
12. *Hahn U., Harris A. J. L., Corner A.* Public reception of climate science: Coherence, reliability, and independence // *Topics in cognitive science*. 2016. Vol. 8. No. 1. Pp. 180–195. DOI: 10.1111/tops.12173.
13. *Hoogeveen S. et al.* The Einstein effect provides global evidence for scientific source credibility effects and the influence of religiosity // *Nature Human Behaviour*. 2022. Vol. 6. No. 4. Pp. 523–535. DOI: 10.1038/s41562-021-01273-8.
14. *Jellema H.* Reasonable Doubt from Unconceived Alternatives // *Erkenntnis*. 2022. Pp. 1–26. DOI: 10.1007/s10670-022-00565-3.
15. *Jung C. G., Hinkle B. M., McGuire W.* Psychology of the Unconscious: A Study of the Transformations and Symbolisms of the Libido. Routledge, 2019. 466 p.
16. *Jurgens A.* False-belief task know-how // *Synthese*. 2022. Vol. 200. No. 3. Pp. 1–22. DOI: 10.1007/s11229-022-03630-0.
17. *Klein P. D.* Certainty: A refutation of scepticism. University of Minnesota Press, 1984. 243 p.
18. *Landes J.* Bayesian Epistemology // *KRITERION – Journal of Philosophy*. 2022. Vol. 36. No. 1. Pp. 1–7. DOI: 10.1515/krt-2022-0005.
19. *Lin H.* Bayesian Epistemology // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / E. N. Zalta, U. Nodelman (Eds.). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/fall2022/entries/epistemology-bayesian/>.
20. *Olsson E. J.* Bayesian Epistemology // *Introduction to Formal Philosophy* / S. O. Hansson, V. F. Hendricks (Eds.). Springer, Cham, 2018. Pp. 431–442.

21. Pritchard D. Epistemically useful false beliefs // Philosophical Explorations. 2017. Vol. 20. No. 1. Pp. 4–20. DOI: 10.1080/13869795.2017.1287291.
22. Quillien T. Rational information search in welfare-tradeoff cognition // Cognition. 2023. Vol. 231. Pp. 105–317. DOI: 10.1016/j.cognition.2022.105317.
23. Rose J. An Epistemology of False Beliefs: The Role of Truth, Trust, and Technology in Postdigital Deception // The Epistemology of Deceit in a Postdigital Era. Springer, Cham, 2021. Pp. 21–37.
24. Shafer G. A mathematical theory of evidence. Princeton : Princeton university press, 1976.
25. Stanley J. Knowledge and certainty // Philosophical Issues. 2008. Vol. 18. Pp. 35–57. DOI: 10.1111/j.1533-6077.2008.00136.x.
26. Teske R. J. Henry of Ghent's Summa of ordinary questions. Article one: On the possibility of knowing. St Augustine Press Inc, 2008. 136 p.
27. Tomasello M. How children come to understand false beliefs: A shared intentionality account // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2018. Vol. 115. No. 34. Pp. 8491–8498. DOI: 10.1073/pnas.1804761115.
28. Wellman H. M., Cross D., Watson J. Meta-analysis of theory-of-mind development: The truth about false belief // Child development. 2001. Vol. 72. No. 3. Pp. 655–684. DOI: 10.1111/1467-8624.00304.
29. Westra E. Pragmatic development and the false belief task // Review of Philosophy and Psychology. 2017. Vol. 8. No. 2. Pp. 235–257. DOI: 10.1007/s13164-016-0320-5.